

**В.М.Иванилов
Екатеринбург**

**Комплексная модель описания ассоциативного поля
сновиденческого символа**

Снотолкование как особая форма «постижения» сновиденческой реальности сквозь призму человеческого сознания (в том числе и языкового) изучается в ряде исследовательских парадигм: философской, психологической, культурологической, лингвистической и т.д. При всем различии существующих подходов в структурном отношении *снотолкование* определяется как двухчастная «клишированная» формула, в составе которой выделяется «знак сна» и его интерпретация (объяснение).

В лингвистических исследованиях «знак сна», представленный в снотолковании, обозначается как «образ» (С.Небжеговска, Е.И.Якушкина и др.) или как «символ» (Н.И.Толстой, С.М.Толстая и др.). На наш взгляд, подобная «терминологическая» вариативность не является принципиальной, поскольку образность – одно из важнейших свойств символа (А.Ф.Лосев, Н.В.Иванов, В.А.Маслова и др.).

Важно подчеркнуть, что интерпретация сновидений – один из видов прагматически ориентированной деятельности обычного человеческого сознания, поэтому небезынтесным считаем рассмотрение специфики ассоциативного потенциала толкуемого слова-символа, реализуемого в различных вариантах соотношения «реальности сна» и «реальности яви». Само понятие *ассоциативного потенциала слова* (далее – АПС) в лингвистической науке не имеет однозначного понимания. В нашем исследовании, вслед за Т.А.Гридиной, под АПС понимается «ассоциативная валентность знака, допускающая системное (внеконтекстуальное) и речевое варьирование его плана выражения и плана содержания и различную интерпретацию. Ассоциативная валентность знака предстает в виде всей совокупности его ассоциативных связей» [Гридина 1996: 35]. В этом определении представляется важным, что любой компонент содержания лексического значения (далее – ЛЗ) слова как ядерно-периферийной структуры может становиться основой для различных видов *ассоциирования* (существенен и тот факт, что план выражения ЛЗ может обуславливать характер его *ассоциативного* развертывания).

Целью данной статьи является описание реализованного в структуре снотолкования ассоциативного потенциала слова-символа.

Материалом для анализа стали **слова-зоонимы**, представленные как в современных, так и в «древних» сонниках (то есть учитывалась письменная традиция снотолкования) [см. Список источников]. Выбор слов данной тематической группы обуславливался следующим: зоонимические номинации обладают широким спектром ассоциативных смыслов в сознании носителей языка, что выражается в переносных значениях слов и в мифологических представлениях социума. Ср.: животные – один из самых распространенных объектов мифологизации и символизации в «народной зоологии» (А.В.Гура). Кроме того, слова-зоонимы являются универсальным «кодом» для обозначения различных представлений, связанных как с человеком, так и с явлениями и предметами окружающего мира [подробнее см.: Славянская мифология 1995: 217].

Специфика интерпретации сновиденческого символа задается не только жанром снотолкования, но и ассоциативным потенциалом «объясняемого» «знака сна». Большинство интерпретаций в сонниках выстраивается в опоре на традиционную культурную *символику* толкуемых слов, но отражение таких смыслов может быть как типовым, так и ситуативным.

Под *типовым отражением* нами понимается прямая актуализация символических смыслов, которыми обладает слово в культуре и языке. Под *ситуативным* отражением – опосредованная актуализация культурного фона слова, то есть частная конкретизация типовой символики применительно к конкретной ситуации (акцентирование *актуального* (но факультативного) для интерпретации признака и/или действия). Подобная вариативность «объяснений» задается жанром снотолкования и основывается на ассоциативном потенциале слова-символа, обуславливающим различные направления интерпретации. Например, типовое отражение: *видеть лебедя – к верности любимого человека* [БТС 2000, ч.3], ситуативное: *уплывающий лебедь – знак разлуки с любимым* [НСС 2003], *видеть во сне озеро с лебедями – неприятности из-за легкомысленного поведения или неверности возлюбленного* [НСС 2003]. Ср.: лебедь как символ верности (лебединая верность).

С учетом всего сказанного предлагаем *комплексную модель описания ассоциативного поля сновиденческого слова-символа*.

По сути, «слова», интерпретируемые в сонниках, представлены в прямой и в символической проекциях. Языковая единица, с одной стороны, выполняет номинативную функцию (называет увиденные во сне предметы, явления и т.д. окружающего человека реального мира), с другой стороны, выступает в качестве символа, объединяющего различные планы реальности («реальность» сна и «реальность» яви) в структуре снотолкования. В связи с этим весьма продуктивным считаем обращение к *лексическому значению* слова, определяющему символическую природу снотолкования.

Для того чтобы проследить, как план содержания слова спроецирован на интерпретацию сновидений, ЛЗ нами рассматривается с точки зрения характера его семантической структуры, сложность организации которой заключается в том, что ее компоненты образуют ядерно-периферийные зоны в поле соотносимого с тем или иным знаком содержания [Ю.Д.Апресян, И.В.Арнольд, Л.Г.Бабенко, А.В.Бондарко, Т.А.Гридина, Т.В.Матвеев, И.А.Стернин и др.]. Ядро значения составляют предметно-понятийные семы, к ближней периферии относятся оценочно-экспрессивно-эмоциональные семы (коннотативный фон), к дальней периферии – лексический фон² слова, включающий разного рода ассоциации.

Обращение к *предметно-понятийному* компоненту ЛЗ слова, отраженному в толковых нормативных словарях, обусловливается тем, что в ядре значения закреплена когнитивная пропозиция (некое отфильтрованное знание носителей языка об обозначаемом), которая может быть актуализирована в снотолкованиях. В исследовании используются данные Словаря русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П.Евгеньевой [далее – МАС 1999] и Словаря русского языка С.И.Ожегова / Под ред. Н.Ю.Шведовой [СОШ 1990].

² Вслед за Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым, под *лексическим фоном* (далее – ЛФ) нами понимаются “непонятийные семантические доли, которые входят в семему (план содержания слова. – Примеч. наше. – И.В.), но не участвуют в опосредованной языковой классифицирующей деятельности человека” [Верещагин, Костомаров 1980: 26].

Обращение к *коннотативному компоненту*, зафиксированному как в переносном значении слова, так и в типовых контекстах (как реализации АПС), обуславливается тем, что в нем отражается оценочное мировосприятие сквозь векторы народной ментальности (В.Н.Телия). Коннотативный компонент ЛЗ слова может прямо воспроизводиться в интерпретациях «знака сна» (например, *лиса – хитрый льстец или обманщик* [Полный 1892]) либо опосредованно задавать общую оценочную прагматику толкования. Так, слово-символ, обладающий положительно-окрашенным эмоционально-оценочным фоном, преимущественно интерпретируется как благоприятный знак (к добру и т.п.), а имеющий отрицательно-окрашенный фон – как неблагоприятный (к худу и т.п.). Например, *жаворонок – символ получения хороших известий* [НСС 2003], *слышать пение жаворонка – к приятным вестям* [БТС 2000, ч.3]. Ср.: *галка* (птица семейства вороновых, с черным оперением) – *к неприятным вестям* [Полный 1892].

В связи с вышесказанным к анализу привлекаются фразеологические контексты и сравнительные обороты, представленные как в толковых нормативных словарях, так и в Толковом словаре живого великорусского языка: в 4-х т. В.И.Даля [Даль 1999], во Фразеологическом словаре А.И.Молоткова [Молотков 1999]. Также используются данные Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи В.В.Химики [Химик 2004].

Специфика языкового материала, представленного в сонниках, диктует необходимость привлечения материалов словарей-символов, в которых отражаются разного рода когнитивные пропозиции, символические «созначения» языковых единиц («культурно» осознанные «реализации» АПС)³.

Обращение к *дальней периферии* значения обуславливается тем, что ЛФ, представляя собой варианты актуализации АПС,

³ В исследовании используются следующие словари символов: Славянская мифология. Энциклопедический словарь [СМ 1995]; Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И.Толстого [СД 1995]; Копалинский В. Словарь символов [СС 2002]; Энциклопедический словарь символов / Авт.-сост. Н.А.Истомина [ЭСС 2003]; Турскова Т.А. Новый справочник символов и знаков [НССЗ 2003]; Символы. Знаки. Эмблемы / Сост. В.М.Рошаль [СЗЭ 2005]; Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. I / И.С.Брилева, Н.П.Вольская, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных [РКП 2004].

расширяет зону узуальных коннотаций. В психологическом плане⁴ любой компонент значения может получать ядерный или периферийный статус в зависимости от того, как содержание слова пропускается через призму личностного опыта, «присваивается» конкретным носителем языка (Т.А.Гридина, Ю.Н.Караулов, В.Ф.Петренко). Данная закономерность является немаловажной применительно к объяснению «знаков сна»: периферийные компоненты значения слова-символа могут либо актуализироваться в ситуативном контексте снотолкования, либо становиться основой для формирования собственно «сновиденческой» символики интерпретируемого слова. Например, *бык* – к опасности [Один 1896, Сонник 1908, Мисс Хассэ 1912], *петух* – к крику, *переполоху* [БТС 2000, ч.1], *гадюка* – злость [Один 1896], [Сны 1904] и др.

Для выявления ассоциативных стереотипов⁵ восприятия слова на основе показаний языкового сознания нами используется *Русский ассоциативный словарь* [РАС 2002].

Итак, рассмотрение лексического значения как ядерно-периферийной структуры с точки зрения вариативности реализации АПС, позволяет анализировать снотолкование не только с учетом его языковой природы, но и жанрового своеобразия. В частности, в соннике в качестве символов могут выступать не только культурно маркированные слова, но и номинации (субстантивные, глагольные, атрибутивные), не имеющие символического значения в культуре и в языке. Основу интерпретации таких слов как раз определяет (задает) исключительно их ассоциативный потенциал. Ср.: *гриф* (хищная птица) – *опасный враг* [НСС 2003], *зяблик* – к *спокойной жизни, которая вполне удовлетворяет вас* (ср. прозябать) [НСС 2003], *болонка* (маленькая комнатная собачка с длинной шелковистой шерстью) – к *легкомысленной подруге* (как «видовая» реализация ассоциации: собака – друг) [БТС 2000, ч.1], *горностаи* (хищный зверек) – к

⁴ Психологическая реальность значения (термин В.Ф.Петренко) – отражение содержания слова в сознании конкретных носителей языка.

⁵ Вслед за Т.А.Гридиной, под *ассоциативным стереотипом* нами понимается “совокупность формально-содержательных признаков слова, вызывающих его относительно постоянное и адекватное восприятие и употребление (совокупность стандартных, устойчивых, воспроизводимых ассоциативных реакций на слово), отражающих его значимость в системе и характер узуального употребления” [Гридина 1996: 64].

опасности для ваших родных (ср. ассоциативный перенос на основе внутренней формы слова: «стая» как семья) [БТС 2000, ч.1]

В качестве итога рассмотрения лексического значения слова считаем целесообразным выделение **ассоциативной доминанты восприятия слова** в сознании носителей языка, значимой для описания **сновиденческой символики** толкуемого слова. С учетом ассоциативной доминанты возможно выделение ядерных и периферийных интерпретаций одного и того же слова-символа, как в структуре конкретного толкования, так и различных сонниках.

Таким образом, предлагаемая нами **модель** описания ассоциативного поля сновиденческого символа включает в себя следующие компоненты:

1. Анализ ЛЗ слова с учетом его предметно-понятийных компонентов, а также общезначимого оценочного коннотата, представленного в ЛЗ, во фразеологических контекстах и сравнительных оборотах (или выводимого из них)

2. Описание культурной (традиционной) символики слова.

3. Анализ лексического (ассоциативного) фона слова, расширяющего зону узуальной коннотации.

4. Выделение ассоциативных доминант восприятия слова.

5. Описание «сновиденческой» символики толкуемого слова с учетом характера и вариантов реализации ассоциативного потенциала толкуемого слова.

Опишем с использованием предлагаемой нами модели анализа толкования слов-символов *голубь* и *баран*, представленные как в современных, так и в «древних» сонниках [см. Список источников].

ГОЛУБЬ (ГОЛУБКА, ГОЛУБИ)

В различных сборниках снотолкований в качестве символов выступают следующие вербальные корреляты *голубь* – *голубка* (соотносительная пара по роду), *голубь* – *голуби* (соотносительная пара по числу). Поскольку в сновиденческой картине мира данные стимулы объединены общими направлениями интерпретации, рассмотрим представленный спектр толкований в анализируемых источниках при описании символа *голубь*.

1. Анализ ЛЗ слова.

Голубь – ‘1. Птица с разнообразной окраской оперения (обычно с серовато-голубой или белой) и большим зобом. 2. (Обычно в обращении). Разг. Ласковое название мужчины’

[МАС Т.1]. **Голубка** – ‘1. Самка голубя. 2. (Обычно в обращении). Разг. Ласковое название женщины’ [МАС Т.1].

Бытовая пропозиция: голубь и голубка – самец и самка дикой / домашней птицы.

Оценочная пропозиция: 1. Голубь, являясь птицей белого цвета, наделяется положительными коннотациями: святая, чистая, «мирная» птица. Ср.: ‘Голубь мира – изображение белого голубя как символ мира’ [МАС Т.1]. 2. На основе представления о голубях как птицах, живущих «парами», в узусе зоонимические номинации наделяются коннотациями нежности, ласки, привязанности и т.д. при их метафорическом употреблении. Так, слово *голубь* используется как форма ласкового обращения к близкому человеку, ласково-снисходительного – к собеседнику [РКП 2004]. Ср.: ‘ворковать (как голубки) – ласково, нежно, тихо говорить с кем-либо (как правило, о влюбленных)’; *голубить* – ‘ласкать, нежить, лелеять’ [МАС Т.1], ‘приголубить – приласкать’ [РКП 2004]. Ср. также разг.: *Живут как голуби* – о людях, живущих душа в душу [ННМД 2005].

2. Описание культурной символики слова.

Голубь выступает традиционным символом:

- *мира*⁶,
- *любви*⁷,
- *получения известий*⁸.

3. Анализ лексического (ассоциативного) фона слова, расширяющего зону узуальной коннотации (отраженного в РАС).

⁶ “Повсеместное почитание голубя как символа мира возникло, по всей видимости, благодаря упоминаниям о нем в Библии. <...> Миротворческий символ – голубь мира (международная эмблема мира) – распространился в XX веке благодаря известной картине художника Пабло Пикассо” [Рошаль 2005].

⁷ “Воркующие голубки – символ влюбленных” [РКП 2004]. Голубь и голубка “широко распространены в качестве поэтических образов жениха и невесты в свадебных песнях” [Славянские древности Т.1: 516].

⁸ Основу данного символического значения составляет представление о голубе как птице, привязанной к месту гнездования, и поэтому всегда возвращающейся обратно, что позволяет человеку использовать голубей для передачи почты (ср.: почтовый голубь). Большое значение имеет и библейская символика птицы: голубь – “небольшая белая птица, которая принесла Ною во время Потопа оливковую ветвь <...>. Здесь, как и в других мифах, голубь выступает в роли вестника” [Рошаль 2005].

ГОЛУБЬ: мира 108; сизый 77; птица 61; сизокрылый 38; белый 36; мир 26; небо 12; серый 10; в небе, почтовый 6; голубой, крыша 5; голубка, летит, полет 4; любовь, птица мира 3; воркует, ворона, грязный, домашний, дружбы, красивый, крылья, летать, милый, Пикассо, плакат, улетел, чистота 2; бедный, белое-серое, белый в вышине, большой, весна, взлетел, в лоб, воркование, ворковать, воробей, ворон, высота, глаз, гнездо, голубица, голубое, голубь, горлица, грязь, дикарь, дикий, дух, жареный, жаркое, зеленая ветка, земной, зерно, знаток, Иуда, кино, крыло, летает, лететь, летящий, луб, май, мечта, мещанство, мой, мой попугай, молодой, мохнатый, муж, мусорка, на крыше, нервный, обыкновенный, окно, олух, орел, павлин, перья, песня, писем, полетел, почта, почтарь, прекрасный, противная птица, птичка, пше-но, сарай, свобода, с голубкой, серебряный, сизарь, сильный, символ мира, синий, снежно-белый, соревнования, стол, стоящий, суп, тоже летает, трава, тупой, ты мой, хвост, школа 1; 517+110+3+80' [РАС 2002 Т.1: 139].

При сопоставлении культурных смыслов и данных ассоциативного словаря, выявляется тот факт, что в сознании носителей языка «восприятие» *голубя как птицы мира* является доминирующим. Ассоциативная реакция *мира* является самой частотной (108). Ассоциации, репрезентирующие этот смысл, представлены во всей структуре ассоциативного поля (в ближней и дальней периферии): *мир* 26, *птица мира* 3, *символ мира* 1, *Пикассо* 1 (фамилия художника, автора картины «Голубь мира»).

Еще одним из значений, актуальных для носителей языка, является символика «получения *известий*», по всей вероятности основанная на отражении пресуппозиции *почтовый голубь* – почтовый 6. Ср. также: *писем* 1, *почта* 1, *почтарь* 1.

Значимой также оказывается и символика «*любви и дружбы*», представленная на периферии ассоциативного поля. Ср.: *любовь* 3, *воркует* 2, *дружбы* 2, *воркование* 1, *ворковать* 1, *муж* 1.

По данным второго тома РАС (От реакции к стимулу) реакция *голубь* была получена на следующие стимулы:

ГОЛУБЬ* ← сизокрылый 67; сизый 50; почтовый 7; порхающий 5; мирный, перистый, пижон 4; голубой 3; голубиная 2; бумажный, голубь, гордый, дырка, живой, животное, зеленый, знаменами, игла, красавец, летать, летящий, мир, молодой, над головой, налетел, небесный, небо, неделя, несусветный, орел, перо, поймать, почта, птица, птичка, свободный, серый, синица, случайно, спесивый, стрелянный, теперь, чужой, яйцо 1; 44+181 [РАС Т.2: 160].

В данном ассоциативном поле отражено восприятие голубя как птицы, символизирующей мир и получение вестей.

4. Выделение **ассоциативных доминант** восприятия слова.

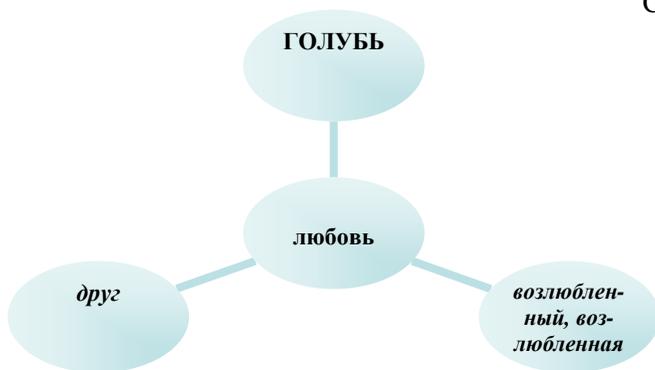
Из вышеизложенного можно вывести доминантные для восприятия слова ассоциации: *миролюбивый, мирный, нежный, ласковый, любящий, приносящий добрые / благоприятные вести.*

5. Описание «сновиденческой» **символики толкуемого** в сонниках **слова** с учетом характера и вариантов реализации его ассоциативного потенциала.

К ядерным интерпретациям относятся толкования, в которых отражается языковая и/или культурная символика слова-стимула *голубь*. Ядерными, на наш взгляд, являются следующие «объяснения».

Во-первых, в интерпретациях, организованных по типу зооморфной аналогии, слово *голубь* выступает символическим обозначением *друга* и *возлюбленной / жены* (ср. обращение *голубь/ голубка* к близкому и/или родному человеку).

Схема 1.

Зооморфная аналогия *голубь – друг / приятель* поддерживается ассоциатами *преданность* и *верность*. Например, *голубь – к посещению приятных друзей* [БТС 2000, ч.2], *поймать голубя – свидеться с другом (свидание с другом) или найти нового* [Сонник 1870, Полнейший 1872]. Ср. также ситуативно мотивированные толкования: *бить голубей – посягать на благополучие друзей* [Полный 1892], *убивать голубя или убитым его видеть – утратить верного друга* [НУС 1998], *к разлуке или смерти близкого друга* [НСС 2003], *знак смерти приятеля* [Новейший 1881], *быть причиной смерти приятеля* [Полнейший 1872]. Та-

кие «объяснения» выстраиваются на основе ассоциативной связи *убийство – смерть* (потеря).

Зооморфная аналогия *голубь / голубка – женщина / возлюбленная / жена* поддерживается ставшим уже традиционным и вошедшим в ЛЗ слова *голубка* ласковым обращением к женщине (см. выше), а также любовно-брачной символикой голубей. Ситуативно мотивированными оказываются интерпретации, созданные на основе противопоставления «дикий – домашний»: *дикие голуби – женщины легкого поведения* [Полнейший 1872], *презренные женщины* [Новейший 1881], *домашние голуби – жены* [Полнейший 1872, Новейший 1881], *честные женщины* [Новейший 1881]. Ср.: “В античности <...> слово «голубка» было эротическим ласкательным именем любимой, так же как и прозвищем продажных девушек” [Истомина 2003].

В системе снотолкований наиболее частотными оказываются «объяснения», выстраиваемые на основе актуализации символического значения «*любовь*». Ситуативный характер представленности ключевого стимула обуславливает различные варианты его интерпретации (см. Схема 2).

Схема 2.

Сопоставим ассоциативную валентность символического значения с «вариантами» ее ситуативной подачи. Так, *предан-*

ность, привязанность символизируют целующиеся голуби и горлица [НСС 2003] и т.д.; женитьбу, семейное счастье – голубь с голубкой [Сонник 1870, Сонник 1901], видеть себя голубем или голубкой [Полный 1892], воркующие голуби [НСС 2003] и т.д. поймать голубя или голубку [Сонник 1870, Новейший 1881]; ласку – целующиеся голуби [НУС 1998, НСС 2003] и т.д.

В сонниках также представлены ситуации, мотивирующие различные направления проекции типовой символики. Так, если адресат снотолкования во сне выпускает голубя из рук, то такой сон в самом общем смысле предвещает разлуку [Сны 1904], в более частном – разлуку с близким человеком / с милой женщиной / с женой [Снотолкователь 1859, Полнейший 1872, Сонник 1870, Новейший 1881] (актуальным в выражении данного смысла является традиционное употребление зоонима голубь по отношению к дороговому и близкому человеку).

Особый интерес в плане рассмотрения интерпретаций, построенных на «эксплуатации» типовой символики, является обращение к толкованиям от противоположного. Так, в одном из современных сонников зооним голубь выступает знаком измены неверного супруга / супруги [БТС 2000, ч.1].

Во-вторых, типовое отражение культурной символики представлено в обобщенном толковании зоонима голубь – мир, любовь [Один 1896, Сонник 1908].

В-третьих, в сновиденческой картине мира (так же, как и в традиционной) стимул голубь означает получение вестей. «Благоприятный» фон толкуемого слова обуславливает характер предвещаемых «известий». Например, голуби на крыше – вскоре вы услышите добрые вести [НУС 1998], хорошее известие [НСС 2003] и т.д. Связь символики «голубя» с обозначением близкого человека мотивирует следующие интерпретации: голубь (для матери) – получение известий от любимого ребенка [НСС 2003], летающие над вашим домом, сидящие у окна или на крыше голуби – получение известий от близких людей [НСС 2003] и т.д.

Периферию интерпретаций в сонниках составляют следующие «объяснения». Так, ряд интерпретаций зоонима голубь представляет собой толкования, построенные на основе ассоциативного фона слова-стимула. Эти интерпретации объединены благоприятным характером прогноза: голубь – покой [НСС 2003]; голуби – прибыль [Снотолкователь 1859, Сны 1904], го-

голубь – богатство и успех в делах [НСС 2003]; *голубь* – счастье, веселье, успехи в делах [НСС 2003], *голубь* – удовольствие [НСС 2003], *голуби* – удачная жизнь [Один 1896, Сны 1904], *кормить голубей* – сделаешь доброе дело [НУС 1998] и т.д.

Неблагоприятный характер прогноза при толковании стимула *голубь* в сонниках обуславливается его ситуативной представленностью. Исходя из того, что *голубь* в народной культуре является птицей мира, «чистой», «святой», Божьей птицей и противопоставляется хищным, черным, зловещим птицам [Славянская мифология 1995, Славянские древности 1995, РКП 2004], такие ситуации как *смерть голубей*, *употребление их в пищу и ловля* несут «негативный» суггестивный эффект. Например, *мертвые голуби* – к *несчастью* [БТС 2000, ч.3], *ловить* – к *ссоре* [Полный 1892], к *потерям* [НСС 2003], *есть* – к *скуке* [Новый 1882], к *болезни* [Толкование 1911], к *тревоге в семье* [НУС 1998].

Таким образом, основой интерпретации стимулов *голубь*, *голубка*, *голуби* в сонниках является как их традиционная символика, так и ее ассоциативное развертывание и актуализация компонентов АПС. В связи с этим сопоставим характер ассоциативного поля, представленного в РАС, и поля, организуемого системой толкований.

В снотолкованиях отражены выделяемые нами ассоциативные доминанты восприятия зоонима *голубь* в узусе: *миролюбивый, мирный, нежный, ласковый, любящий, приносящий добрые / благоприятные вести*. Однако в плане толкования сновидений в отличие от данных словаря является доминирующим не значение «голубя» как птицы мира, а ситуативное развертывание любовно-брачной символики зоонима на основе фоновых реакций, репрезентирующих ассоциативное поле слова *любовь* (см. Схема 2). Такая закономерность, возможно, обуславливается характером прагматики снотолкования, ориентирующим предсказания на «частную» жизнь человека.

БАРАН (БАРАНЫ)

В рассматриваемых сонниках слова-стимулы *баран* – *бараны* (соотносительная пара по числу) имеют общую символическую интерпретацию, поэтому проанализируем данные зоонимы на базе описания слова-стимула *баран*.

1. Анализ ЛЗ слова.

Баран – ‘1. Самец овцы. 2. Жвачное парнокопытное млекопитающее с изогнутыми рогами, обитающее в основном на высокогорных открытых пространствах’ [МАС Т.1].

Бытовая пропозиция: преимущественно домашнее животное, самец.

Оценочная пропозиция: источником коннотаций, связанных в русской ментальности с образом барана, является народная афористика. Ср.: ‘Как баран на новые ворота (уставиться, смотреть и т. п.) (прост. пренебр.) – стать в тупик, столкнувшись с чем-л. новым, неожиданным’ [МАС Т.1], ‘в полном недоумении, не понимая’ [РКП 2004], груб. разг.-сниж. ‘Тупо, растерянно, ничего не понимая (смотреть, уставиться)’ [Химик 2004]. ‘*Не баран начихал* (в знач. сказ.; прост.) – не пустяк (пустяки), а нечто значительное, важное, с чем следует считаться, о чем надо подумать’ [МАС Т.1], шутол. разг.-сниж. ‘1. Не так уж мало. 2. О том, что представляется очень значительным, что нельзя недооценивать’ [Химик 2004]. ‘*Стадо баранов* (прост. пренебр.) – о неорганизованной толпе, о людях, которые слепо, без рассуждений идут за кем-л.’ [МАС Т.1]. ‘*Согнуть (скрутить) в бараний рог* – полностью подчинить своей воле, заставить быть послушным и безропотным, поставить в зависимое положение’ [РКП 2004].

Во фразеологических контекстах отражается связь зоонима *баран* с народными представлениями о *глупости, упрямстве, значительности, неорганизованности, безропотном подчинении* и т.д. Доминирующими характеристиками для восприятия образа *барана* являются признаки: *глупый* и *упрямый*, что отражается в переносном значении зоонима в разговорной речи. Ср.: **Баран** – бран. разг.-сниж. ‘О глупом, тупом, упрямом, консервативном человеке’ [Химик 2004: 37].

2. Описание культурной символики слова.

Зооним *баран* наделяется символикой *глупости* и *упрямства*, связанной с особенностями поведения животного. Ср.: “Бытует представление о баране как о животном крайне глупом, покорном, безропотно подчиняющемся судьбе. Но при этом он отличается особым («тупым») упрямством” [РКП 2004].

3. Анализ лексического (ассоциативного) фона слова, расширяющего зону узуальной коннотации (отраженного в РАС).

‘БАРАН: *тупой* 31; козел 29; *ворота* 26; *глупый* 24; *упрямый* 22; кудрявый, овца 19; *дурак*, животное, осел 15; *на новые ворота* 14; рога 13; большой, рогатый 10; белый 9; жирный 8; шашлык 7; *бестолковый*, горный, горы 6; черный, шерсть 5; барабан, *безмозглый* 4; жевал траву, кабан, коза, кучерявый, *на ворота*, *новые ворота*, пасется, с рогами, стадо, стоит, стриженный, толстый 3; баран, бить, ворон, *глупость*, и *ворота*, кругорогий, луг, молодой, овечка, полный, преподаватель, рог, сам такой, старый, *тупоголовый*, *тупость*, худой, шерстяной 2; баранина, баранов, бараном, бархан, безрогий, блял, бодается, бьет, в деревне, вес, в загоне, взрослый, видеть, вкусно, внешне, *ворона*, в поле, встал, Гена, глаза, *глуп*, *глупец*, *глупо*, гора, грубое слово, грязный, длинноволосый, дуб, *дубина*, *дубовый*, есть, есть баран, животный, жующий траву, закрученные лихо рога, заморский, заработок, зверь, зеленый, золотой, золоторунный, Иван, *идиот*, и есть баран, и коза, инструмент, и овцы, и петух, и чурбан, Кавказ, как, *как ... на новые ворота*, *как на новые ворота*, караван, каракуль, конь, корова, красный, кредо, *крепколобый*, круглое, круглый, крупный, круголобый, лошадь, лысый, Махачкала, ме-е-е, мелкий, млекопитающее, мутон, мясо, *набитый*, навсегда, на лугу, на рисунке, начальник, на шашлык, небо, необузданный, нерусский, ничего, овен, он, опять, орет, отара, отпущения, о человеке, пасся, пастбище, пастух, пацан, плов, полки, Пол Маккартни, приз, ревет, рога закрученные, руно, сам, сам ты, самый, сдох, село, семья, сосед, союз, стол, стричь, такой, *твердолобый*, Тёмка, тубить, *тупица*, *тупой взгляд*, тупорогий; ты, вот ты кто; *у ворот*, ударник, умный, *у новых ворот*, *уперся как*, упитанный, уран, урод; *установился, как баран*; ушел в горы, хорошие, чабан, чайник, человек, *человек глупый*, чихнул, чужой, чурбан, шаг, шапка, шуба, это ты, ярочка 1; 542+195+7+141’ [РАС Т.1: 45].

Ассоциации, представленные в РАС, свидетельствуют о том, что восприятие зоонима *баран* как символического обозначения *глупости* является ведущим для носителей языка. Ср.: самая частотная реакция – *тупой* 31. Ср. также реакции, входящие в ближнюю периферию (*глупый* 24, *дурак* 15) и дальнюю периферию (*бестолковый* 6, *безмозглый* 4, *глупость* 2, *тупоголовый* 2, *тупость* 2, *глуп* 1, *глупец* 1, *глупо* 1, *дубина* 1, *дубовый* 1, *идиот* 1, *набитый* 1, *человек глупый* 1, *тупица* 1, *тупой взгляд* 1) ассоциативного поля.

Особый интерес в этом плане представляет реализация фраземы – ‘установиться как баран на новые ворота’, репрезентирующей вышеотмеченное символическое значение (ср.: недоумевая,

не понимая и т.п.): *ворота* 26, *на новые ворота* 14, *на ворота* 3, *новые ворота* 3, и *ворота* 2, как ... *на новые ворота* 1, как *на новые ворота* 1, у *ворот* 1, у *новых ворот* 1, *установился, как баран* 1.

Данные словаря демонстрируют значимость коннотата *упрямый* для носителей языка при восприятии зоонима баран. Ср.: *упрямый* 22. Ср. также: *твердолобый* 1, *уперся как* 1. Доминантным является и признак *кудрявый* (19), ассоциативно связанный со словом баран.

По данным второго тома РАС (От реакции к стимулу) реакция *баран* была получена на следующие стимулы:

БАРАН* ← овца 39; *упрямый* 23; *безмозглый* 18; горный 7; *пустоголовый* 5; *кудрявый*, настырный, рогатый, *упрямство* 4; *глупый*, жареный, *кучерявый*, напористый 3; баран, ворота, *дебил*, кабан, козел, настойчивый, паршивый, пегий, совет, стадо, тощий, *упорный* 2; абсолютный, барабан, *бестолковый*, благородный, *болван*, бык, вяленый, есть, жирный, жлоб, инвалидный, инициативный, Калашников, колесо, копченый, крупный, крыса, лектор, ленивый, Медведев, молодой, монополия, мясо, надменный, *напролом*, обзывать, однокашник, олух, *осел*, паук, переть, последующий, рога, советский, солдат, спесивый, стреляный, стройный, сытный, терапевт, *тупица*, *тупой*, *тупость*, умник, черный, чувак, шелковый, шерстяной 1; 73+192 [РАС Т.2: 21].

Символические «стимулы», входящие в состав данного ассоциативного поля, также можно обобщить на основе их распределения по трем ведущим коннотативным признакам: *упрямый* (*упрямый* 23, *упрямство* 4), *глупый* (*безмозглый* 18, *пустоголовый* 5, *глупый* 3, *бестолковый* 1, *болван* 1, *дебил* 2, *тупица* 1, *тупой* 1, *тупость* 1), *кудрявый* (*кудрявый* 4, *кучерявый* 3).

Особый интерес представляет актуализация ассоциата *упорный* (2). Ср. *упорство* как одна из позитивно коннотатированных граней *упрямства*, связанного с настойчивостью в достижении чего-л.

4. Выделение ассоциативных доминант восприятия слова.

Доминантными ассоциациями для восприятия зоонима *баран* являются признаки *глупый*, *упрямый*, *кудрявый*, *неорганизованный*, *безропотно подчиняющийся кому-*, *чему-л.* и *упорный*.

5. Описание «сновиденческой» символики толкуемого в сонниках слова с учетом характера и вариантов реализации его ассоциативного потенциала.

Ядро интерпретаций в сонниках составляют следующие «объяснения».

Символика «глупости» отражена в толкованиях, организованных по типу зооморфной метафоры. Так, в сновиденческой картине мира стимул *баран* означает *глупого* человека (часто *друга*, т.е. *близкого* человека – не исключено, что данная проекция символического значения зоонима выстраивается на основе реализации пресуппозиции: баран – *домашнее* животное, поэтому *близкое* к человеку). Например, *глупый друг* [Один 1896, Сонник 1908], [Мисс Хассэ 1912], *глупость друга, который тебе навредит* [НУС 1998], *друг, который либо не блещет умом, либо вы чрезмерно доверились человеку, который не заслуживает этого* [НСС 2003]. Последнее из приведенных значений «знака сна» обращает на себя внимание двунаправленностью прогноза, представленного в нем: стимул *баран* символизирует как встречу с глупым человеком, так и потенциальную «глупость» со стороны адресата снотолкования. Ср. также: *вам не следует полагаться на мнение других в важных вопросах* (не «сгруппите» – примеч. наше. – И.В.) [НСС 2003].

Ситуативное развертывание получает и символика «упрямства». С одной стороны, представления о баране как *упрямом* (никому не уступающем в своей «глупости») животном обусловливают актуализацию ассоциатов *брань* и *ссора*, *раздоры*, а также *оскорбления* и *обиды* ([Новый 1882, НСС 2003]) и т.д. (см. Схему 3.) Ср. у В.И.Даля: '*Две бараньи головы в котел не лезут*, говор. о неуживчивости и ссоре двух глупых людей' [Даль 1999 Т.1].

Схема 3.

Символика «упрямства» преимущественно поддерживается ситуативной актуализацией зоонима: *брань* и *ссора* означают главным образом бодаящиеся бараны. Например, *бодаящиеся*

бараны – брань [Новый 1882, Сонник 1886, Сонник 1887, НУС 1998]; *раздоры и ссоры дома или на работе* [НСС 2003].

С другой стороны, символика «упрямства» получает благоприятное ситуативное развитие. Ср.: *упрямый* как *упорный* и *последовательный*, что мотивирует актуализацию ассоциата *успех* (признание, удача в достижении чего-н.). Например, *мирный баран – успех* [НУС 1998]. Ср. также: *баран – оскорбительный успех* [Сонник 1886], *бараны – знак чести* [Снотолкователь 1859], *бараны – укрепление в силах* [Новейший 1881]. Ср. также *баранину есть – успех* [Сонник 1886].,

Периферию интерпретаций в сонниках составляют следующие «объяснения».

В снотолкованиях, представляющих собой актуализацию зооморфной аналогии (организованных по типу зооморфной аналогии), при ситуативной конкретизации зооним *баран* выступает символическим обозначением *друга / недоброжелателя*.

Зооморфная аналогия *баран – друг* – частная актуализация ассоциации «домашнее животное – друг» (см. выше). Основой такой проекции является учет ситуации сна (*мирно пасущийся баран, подходит к барану без опасений*) и ассоциативного развертывания сновиденческой символики зоонима. Например, *видеть во сне мирно пасущегося барана, подходит к нему без опасений – у вас будут достаточно влиятельные друзья, которые помогут достичь успехов, занять высокое положение* [НУС 1998]. Возможно, что признак *влиятельный* поддерживается значением фразеологического оборота *согнуть (скрутить) в бараний рог* (т.е. полностью подчинить своей воле, заставить быть послушным и безропотным, поставить в зависимое положение) [РКП 2004].

Если же при указании на ситуацию сна отмечается агрессия животного, тогда зооним *баран* выступает в качестве символического указания на *недоброжелателя* (врага). Ср.: *Угрожающе надвигающийся на вас баран – к опасности со стороны недоброжелателей* [БТС 2000, ч.3]. Ср. также: *баран боднул – опасайся гнева важного человека* [НСС 2003].

Также в виде реализации оппозиции «друг – недоброжелатель (враг)» в сонниках представлена типизированная ситуация «употребления животного в пищу». Например, *есть барана (баранину) во сне, с одной стороны, предвещает потерю друга* [Сонник 1908], *потерю лучшего друга* [Сонник 1901], с другой

стороны, *одоление неприятеля, недоброжелателя* [Снотолкователь 1859].

Символическое значение «прибыль, богатство», по всей вероятности, поддерживается традиционными представлениями о том, что «богатство» человека определяется количеством имеющихся у него в хозяйстве домашних животных. Ср.: ситуативную мотивированность данного значения через глаголы (покупать, стричь, есть и т.д.). Так, *покупать барана во сне – к благополучию* [Новый 1890], *покупать баранов – прибыль* [Полный 1892], *стричь баранов – получка неожиданных денег* [Полный 1892], *есть баранину – к довольству* [БТС 2000, ч.1], *в хлеве – к почету и богатству* [НСС 2003] и т.д. Ср. также о взятке: ‘Подсунуть барашка в бумажке’ [Даль Т.1]. В сонниках предлагаются и ситуации, предвещающие убыток. Ср.: *Ловить и не поймать баранов во сне – к неудаче в денежном предприятии* [Полный 1892].

Символические значения «любовь, счастливая семейная жизнь» по всей вероятности выстраиваются на ассоциативном развертывании семы «самец», представленной в ЛЗ слова *баран*. Например, *стадо баранов – означает любовь и исполнение желания* [Полнейший 1872], *блеяние баранов – счастье в семейной жизни и уважение окружающих* [НСС 2003]. Ср. также зооним *баран* символизирует “мужскую силу и сексуальную потенцию” [Рошаль 2005].

При сопоставлении интерпретаций, представленных в исследуемых сонниках с ассоциативным полем слова *баран*, отраженным в РАС, выявляется тот факт, что в плане толкования сновидений помимо типовой символики «глупости» и «упрямства» актуальными становятся смыслы, не представленные даже на периферии *ассоциативного* поля. Ср.: «богатство», «счастливая семейная жизнь» и т.д. Думается, что данное «явление» задается [или: *обуславливается*] не только ассоциативным потенциалом интерпретируемого зоонима *баран*, но и самой прагматикой жанра снотолкования, направляющей «предсказание» как событийную проекцию, ориентированную на различные варианты обобщенных (типовых) «ситуаций» жизни человека (адресата снотолкования).

Итак, «сновиденческая» символика может быть ориентирована, с одной стороны, на традиционное (типовое) знание о предмете, явлении и т.д.; с другой стороны, может представлять собой как развитие вто-

ричных смыслов на основе типовых пресуппозиций⁹, так и формирование новых ассоциативных значений на базе актуализации ассоциативного потенциала толкуемого слова.

Учет ассоциативной природы сновиденческих интерпретаций позволяет рассматривать в виде ассоциативного поля и конкретное толкование (как частную реализацию пары стимул – реакция) и весь спектр значений «объясняемого» в соннике слова. Исходя из этого, толкование любого слова-стимула может быть представлено в виде ассоциативного поля, имеющего ядро и периферию. К ядру относятся интерпретации, построенные на отражении и «эксплуатации», «развертывании» языковой и культурной символики, а к периферии – толкования, базирующиеся на актуализации разного рода ассоциативных смыслов (лексического фона слова).

Вследствие этого предлагаемая нами комплексная модель описания зоонимического символа включает в себя разные аспекты дешифровки символики конкретного зооморфного образа, лежащего в основе снотолкования на основе его лексического значения, культурной символики и ассоциативного потенциала. Таким образом, предлагаемая нами модель анализа, демонстрирует специфику организации снотолкования как сложной ассоциативно-образной структуры, а также является иллюстрацией того, как в процессе интерпретации сновидений формируются новые символические смыслы толкуемых в сонниках слов.

Литература

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.

Гридина Т.А. Языковая игра: Стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). – Минск, 2002.

Толстая С.М. Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б.Христофорова. Отв. ред. С.Ю.Неклюдов (серия «Традиция, текст, фольклор»). – М., 2002.

Толстой Н.И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. – М., 2003.

⁹ То есть подвергаться дальнейшей ассоциативной обработке в системе ценностных ориентиров социума («транслированию», «эксплуатации», «детализации», «ситуативному развертыванию» типового знания).

Список сокращений и словарей

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М., 1999.

Истомина – *Энциклопедический словарь символов / Авт.-сост. Н.А. Истомина.* – М., 2003.

МАС – *Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П.Евгеньевой.* – 4-е изд., стер. – М., 1999.

РАС – *Русский ассоциативный словарь.* В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М., 2002.

РАС – *Русский ассоциативный словарь.* В 2 т. Т.2. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М., 2002.

РКП 2004 – *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь.* Вып. I / И.С.Брилева, Н.П.Вольская, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных. – М., 2004.

Рошаль – *Символы. Знаки. Эмблемы / Сост. В.М.Рошаль.* – М., 2005.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И.Толстого. – М., 1995. – Т. 1-2.

СОШ – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – М., 1990.

Химик – *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб, 2004.

Список источников

БТС 2000 – *Степанова Н.И.* Большой толкователь снов. – М., 2000.

Мисс Хассэ 1912 – *Мисс Хассэ.* Сон и сновидение. Научно объясненное толкование снов. – Варшава, 1912.

Новейший 1881 – *Новейший сонникъ.* – М., 1881.

Новый 1882 – *Новый толковый сонник, собрание различных снов по опытам столетних моих родственников.* Изд. 3-е. – М., 1882.

Новый 1890 – *Новый толковый сонникъ. Снотолкователь. Самое верное и точное разъяснение сновъ и необходимыя условия для ихъ исполнения. Таблица, точно определяющая день осуществления сна.* – Киевъ, 1890.

НСС 2003 – *Смурова О.Б.* Новый семейный сонник. – М., 2003.

НУС 1998 – *Новый универсальный сонник / Л. Зданович.* – М., 1998.

Один 1896 – *Одинъ миллионъ 500, 000 сновъ. Толкованіе сновъ, выбръанныхъ изъ сочиненій знаменитыхъ египетскихъ и индійскихъ мудрецовъ и астрономовъ, какъ-то Аполлонія, Альбумазара, Сонціуса,*

Тихо-Браде, Мартына Задеки, Платона, Птоломея и известной французской снагадательницы госпожи Ленорманъ. М., 1896 // Толкователь снов. Репринт. воспроизведение изд. 1896 г. / [Вступ. ст. Т.Л. Федоровой]. – М., 1989.

Полнейший 1872 – *Полнейший* сонникъ и истолкователь различныхъ приметъ. – СПб., 1872.

Полный 1892 – *Полный* сонникъ. – М., 1892.

Снотолкователь 1859 – *Снотолкователь* древнихъ и новыхъ астрологовъ, составленный по алфавиту. – М., 1859.

Сны 1904 – *Сны* и ихъ толкование. – СПб., 1904.

Сонник 1870 – *Сонник* или толкование сновидений. – М., 1870.

Сонник 1886 – *Сонникъ*. (Оракуль). Предсказанія сновъ. Сост. по указаніямъ лучшихъ авторовъ и ученыхъ древней и новой философіи и герметике. – М., 1886.

Сонник 1887 – *Сонникъ*. Самый полный и общедоступный. Собранъ изъ сочиненій древнихъ маговъ, средневековыхъ астрологовъ и позднейшихъ снотолкователей, а именно: Птоломія, Альбомазура, Адія, Тихобраго, Юганна, Калиостра, Сведенборга, Брюса, Кенигебергера, Мартына Задеки и Ленорманъ. – М., 1887.

Сонник 1901 – *Толкованіе* сновиденій известнаго старца Мартына Задеки. – М., 1901.

Сонник 1908 – *Сонник* или толкователь снов. – М., 1908.

Толкование 1911 – *Толкованіе* сновиденій ста-шестилетняго старца Мартына Задеки. – М., 1911.

© Иванилов В.М., 2005